

Владимир Турчаненко
**Подводя итоги советского
пушкиноведения:**

ДОКЛАД Н. К. ПИКСАНОВА НА ПУШКИНСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ 1937 ГОДА¹

Vladimir Turchanenko

Summarizing Soviet Pushkin Studies: Nikolai Pksanov's Report at the Pushkin Conference in 1937²

Владимир Турчаненко (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, младший научный сотрудник) vladimir.turchanenko@mail.ru.

Vladimir Turchanenko (Junior Research Fellow, Institute of Russian Literature, Russian Academy of Science) vladimir.turchanenko@mail.ru.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, советское пушкиноведение, история литературоведения, Н. К. Пиксанов, Пушкинская комиссия

Key words: Alexander Pushkin, Soviet Pushkin studies, history of literary criticism, Nikolai Pksanov, Pushkin Commission

УДК: 821.161.1 + 82.09 + 316.74
DOI: 10.53953/08696365_2022_177_5_119

UDC: 821.161.1 + 82.09 + 316.74
DOI: 10.53953/08696365_2022_177_5_119

Статья посвящена истории советского академического пушкиноведения 1930-х годов и предваряет публикацию ранее неизвестного доклада члена-корреспондента Академии наук СССР Н.К. Пиксанова об итогах советского пушкиноведения (1917—1937). Анализ содержания и риторики доклада в контексте отношений Пиксанова с членами Пушкинской комиссии АН СССР приводит к двум возможным интерпретациям публичного выступления. Более вероятным представляется участие Пиксанова в критике пушкинистов с целью поднять собственный статус в институциональной борьбе; вместе с тем есть основания предполагать, что докладчик выступил с «товарищеской критикой» академического пушкиноведения, пытаясь защитить исследователей от нападок власти и прогрессивной общественности.

This article is devoted to the history of Soviet academic Pushkin studies in the 1930s and precedes the publication of a previously unknown report by Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences Nikolai Pksanov on the results of Soviet Pushkin studies (1917—1937). An analysis of the content and rhetoric of the report in the context of Pksanov's relationship with members of the Pushkin Commission of the Academy of Sciences of the USSR of leads to two possible interpretations of this public speech. The more likely is that Pksanov participated in the criticism of Pushkinists with the goal of raising his own status in the institutional struggle; in addition, there is reason to believe that the speaker made a "comradely criticism" of academic Pushkin studies in an attempt to defend researchers from attacks by the authorities and a progressive public.

Посмотрим, что сделает к юбилею... Пиксанов!

А.С. Орлов³

С 7 по 9 февраля 1937 года в Ленинграде состоялось крупное научное мероприятие — Пушкинская конференция, подготовленная Институтом литерату-

- 1 Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 22-28-01616, ИРЛИ РАН.
- 2 The study was funded by Russian Science Foundation, project no. 22-28-01616, IRLI RAS.
- 3 Слова академика А.С. Орлова, записанные М.А. Панченко [Панченко 1982: 244]. Орлов имеет в виду двадцатилетие Октябрьской революции, а не пушкинский «юбилей»;

ры⁴ в рамках всесоюзного «празднования» столетия со дня смерти А.С. Пушкина. В хронике это мероприятие затерялось на фоне московских торжеств — заседания в Большом театре 10 февраля и прошедшей несколькими днями позже Пушкинской сессии Академии наук.

Так, освещение одного лишь памятного заседания 10 февраля в хронике А. Александрова больше заметки о трехдневной Пушкинской конференции в шесть (!) раз [Александров 1937: 492—494]. И это не удивительно: только перечисление сидящих в президиуме и правительственной ложе занимает несколько строк, почти полностью цитируется ключевой пассаж речи наркома А.С. Бубнова («Пушкин наш! <...>») и прочее. Пушкинская сессия Академии наук, проходившая с 13 по 15 февраля в Москве, в указанной публикации также освещена достаточно подробно.

Композиция и риторика обзора, опубликованного во «Временнике Пушкинской комиссии», вполне объяснимы: пушкинский «юбилей» задумывался властью как большой идеологический проект⁵, и потому концентрация внимания в хронике на столичных мероприятиях и их ключевых спикерах весьма очевидна. Впрочем, все же удивляет практически полное отсутствие сведений о конференции, на которой были прочитаны доклады А.С. Орлова «Пушкин как создатель русского литературного языка» [Орлов 1937], В.М. Жирмунского «Пушкин и литература Запада» [Жирмунский 1937], М.К. Азадовского «Пушкин и фольклор» [Азадовский 1937] и другие, позднее переработанные в статьи для «Временника Пушкинской комиссии» и ставшие широко известными.

Среди прозвучавших докладов в указанном обзоре упоминается и выступление «Итоги изучения Пушкина за советский период» Николая Кирьяковича Пиксанова — литературоведа, члена-корреспондента Академии наук, заведовавшего в то время Отделом новой русской литературы института⁶. Этот пункт программы Пушкинской конференции представляется крайне любопытным. Так, по каким-то причинам о достижениях советского пушкиноведения рассказывает исследователь, имеющий лишь косвенное к ним отношение. Не получив должности главного редактора начатого в начале 1930-х годов академического издания сочинений Пушкина, Пиксанов стал главным его противником, разорвав отношения с ведущим исследовательским коллективом — Пушкинской комиссией Академии наук. Кем в таком случае было санк-

впрочем, использование этой строчки в качестве эпиграфа к статье представляется весьма уместным: здесь, помимо очевидного соположения юбилейных дат (двадцатилетие революции — двадцатилетие советского пушкиноведения — столетие смерти Пушкина), возникает любопытная аллюзия на Пиксанова как «ударника пушкиноведения» (читай: «Посмотрим, что сделает к [пушкинскому] юбилею [ударник пушкиноведения] Пиксанов!»).

- 4 Речь идет об Институте русской литературы в Санкт-Петербурге (Ленинграде), который до 1930 года именовался Пушкинским Домом, в 1930—1932 годах — Институтом новой русской литературы, с 1932 по 1934 год — Институтом русской литературы, в 1935—1949 годах — Институтом литературы. Далее для удобства изложения используется последнее из перечисленных названий.
- 5 Попытки анализа идеологического наполнения пушкинского «юбилея» и — шире — роли фигуры Пушкина в сталинской культурной политике предприняты в: [Молок 2000; Платт 2017; Petrone 2000].
- 6 Краткую биографическую справку о Пиксанове — сотруднике Института литературы см. в: [Научные сотрудники 2005: 504—505].

ционировано это программное выступление и какую цель преследовал докладчик, рассказывая об итогах изучения Пушкина на волне обострившейся критики пушкинистов?

1

История советского пушкиноведения на тот момент насчитывала всего два десятилетия — но весьма насыщенных: это и отголоски «формального поворота», начавшегося еще до революции, и психоаналитические работы И.Д. Ермакова, и компаративистские штудии В.М. Жирмунского, и стремительное развитие классово-социалистического подхода, и, безусловно, становление пушкинской текстологии.

Сам Пиксанов выступил на заре советского пушкиноведения с «Пушкинской студией» [Пиксанов 1921; 1922] — методической разработкой для учащихся и учителей, ставшей в истории отечественного литературоведения первым опытом персонального семинария. Позднее под его редакцией в качестве председателя Пушкинской комиссии Общества любителей российской словесности вышли сборники «Пушкин» [Пушкин 1924; 1930]⁷.

Почти во всех биографических справках среди научных интересов Пиксанова обязательно фигурирует Пушкин; однако при внимательном изучении пушкинианы этот интерес обнаруживает скромный и эпизодический характер. За первые два десятилетия советского пушкиноведения, помимо уже упомянутой «Пушкинской студии», исследователь почти не публикует собственно пушкиноведческих работ: в 1929—1930 годах появляются две статьи цикла «Из анализов “Онегина”» [Пиксанов 1929; 1930], в 1936 году — материалы к лекции «Борьба за Пушкина» в брошюре Ленинградского лектория [Пушкин 1936].

В 1931 году Пиксанов становится членом-корреспондентом АН СССР. В это же время усилиями А.В. Луначарского в Институте литературы воссоздается Пушкинская комиссия Академии наук — к участию в ее работе были приглашены преимущественно молодые ленинградские и московские пушкинисты [Турчаненко 2020а: 145]. Из протоколов заседаний комиссии видно, что изначально усилия исследователей были сконцентрированы на пересмотре и научном описании рукописей Пушкина, также была начата подготовка фототипического издания рабочих тетрадей, обсуждались составление пушкинианы и организация музея в последней квартире поэта.

Переезд Пиксанова из Москвы в Ленинград в 1932 году совпадает с началом работы Пушкинской комиссии над новым академическим изданием Полного собрания сочинений Пушкина; главными разработчиками плана издания становятся Д.П. Якубович и Ю.Г. Оксман. Ранее удалось установить, что Пиксанов предпринял серьезные попытки срыва академического издания на его

7 О методологических установках редактора сборников читаем в дневнике М.А. и Т.Г. Цявловских (запись от 16 октября 1925 года, сохранена пунктуация источника): «Замечателен был разговор наш у Пиксанова относительно 2-го сборника Пушкинской комиссии “Пушкин”. Пиксанов, теперь, закусив удила, мчащийся по пути марксизма, все с большей и большей горячностью настаивает на статьях социологически-марксистского содержания, каковых нет и не предвидится...» [Цявловский, Цявловская 2000: 70].

организационно-подготовительном этапе: его поначалу выражено импульсивные действия сменились впоследствии взвешенной стратегией, направленной против группы академических пушкинистов. Эти действия М.А. Цявловский в личной переписке с Якубовичем назвал «войной между Пушкинской комиссией и Пиксановым» (см.: [Турчаненко 2020б: 69—72]).

Здесь следует отметить, что Пиксанов, избранный членом-корреспондентом академии и получивший место заведующего Рукописным отделом в институте не без участия Луначарского, не был приглашен им в новосозданную Пушкинскую комиссию. Вполне уместно предположить, что Луначарский, зная непростой характер Пиксанова, сделал это целенаправленно, чтобы оградить собранный им молодой коллектив продуктивных текстологов от вмешательства амбициозного ретрограда. Впрочем, это не остановило Пиксанова: называя себя «ударником пушкиноведения», он всячески стремился получить должность главного редактора нового академического издания, используя как административный ресурс, так и личные отношения с непререкаемым секретарем академии В.П. Волгиным [Там же: 70—71]. «Диктатуры Пиксанова» удалось избежать лишь путем созыва пленума пушкинистов, состоявшегося весной 1933 года: решением подавляющего большинства Пиксанов не был избран в редакционный комитет издания [Мануйлов, Модзалевский 1934: 153—154].

Однако после смерти Луначарского осенью 1933 года Пиксанову удалось войти в состав Пушкинской комиссии, в работе которой он — как и до этого — почти не принимал участия: Пиксанов появляется на заседаниях комиссии за три года (с 1934 по 1936 год комиссия провела более сорока научных заседаний) лишь четыре раза [Турчаненко 2020а: 170, 173, 176—177]. Более того, источники свидетельствуют о неизменно негативном отношении к Пиксанову со стороны других пушкинистов; крайне примечателен развернутый пассаж из письма Б.В. Томашевского Якубовичу от 2 февраля 1935 года:

Зачем иметь в своей среде человека, самое присутствие которого нервирует, который вопросы личного самолюбия ставит выше интересов дела, который проявил полное неумение в сношениях с людьми, который по научным заслугам ничем не оправдал своего хорошего мнения о себе, который в области текстологии является для меня сомнительным авторитетом как по теоретическим взглядам, так и по практическим приемам («двойное печатание» и ошибки в издании Грибоедова), и который в области пушкиноведения за последнее время приобрел известную Вам нелестную репутацию... <...> А поведение Пиксанова по отношению ко всем нам я считаю (на мой лично вкус) оскорбительным и просто не представляю, как я в будущем смогу вместе с ним работать⁸.

Получается, что доклад об итогах советского пушкиноведения на юбилейной Пушкинской конференции делает исследователь, который, во-первых, почти не принимает участия в работе пушкиноведов и имеет весьма опосредованное отношение к ключевым пушкиноведческим работам и, во-вторых, находится в непростых отношениях с Пушкинской комиссией академии и ведущими пушкиноведами того времени.

8 Рукописный отдел Пушкинского дома. Ф. 800. Ед. хр. 165. Л. 13.

Хроника юбилейных мероприятий, как уже было отмечено, почти полностью игнорирует конференцию в Ленинграде — за исключением, пожалуй, небольших заметок-репортажей А. Гальского, опубликованных в «Красной газете». В последней из них, освещающей заключительное, третье заседание конференции, содержание выступления Пиксанова уместается в несколько строк:

Член-корреспондент Академии наук Н.К. Пиксанов рассказал, как пушкиноведение из отсталого участка науки, замкнутого в узком круге коллекционирования текстов и документов, узко биографических изысканий, становится крепким звеном марксистско-ленинского литературоведения⁹.

О причине, по которой доклад Пиксанова так и не был опубликован — ни в юбилейном году, ни позднее — можно только догадываться. Найденный в подшивке материалов Пушкинской комиссии за 1936 год текст, кажется, не только не проясняет обстоятельства его забвения, но и делает ситуацию еще более неопределенной.

Доклад Пиксанова уместается на девяти машинописных листах и состоит из двадцати тезисов, распределенных по четырем разделам¹⁰. Первый раздел представляет собой идеологически окрашенное изложение методологических установок и проблем советского пушкиноведения. Важнейшими особенностями нового литературоведения названы «овладение марксистско-ленинским методом», «ломка старой ученой цеховщины» и «вступление в ряды исследователей новых демократических кадров». Развитие пушкиноведения в указанный период, по Пиксанову, сопровождалось «всеми болезнями литературной науки» — от академической фактографии до вульгарного социологизма. По мнению докладчика, развитие частных направлений пушкиноведения — биографических, археографических, текстологических, библиографических изысканий — тормозило движение общей литературоведческой проблематики. Пиксанов отмечает, что в последнее время пушкиноведение «изживает методологические пороки и уклоны», переходя к «более глубокому освоению марксистско-ленинского метода»¹¹. Особый акцент, разумеется, сделан на молодых кадрах, получивших «правильное» образование.

Далее докладчик перечисляет наиболее актуальные пушкиноведческие проблемы. Среди ближайших задач — «систематическое научное обследование пушкинского реализма» и проведение ряда исследований проблемы народности в языке и стиле Пушкина, а также вопроса о соотношении народности и реализма. Любопытно, что характеристика этих проблем применительно к пушкиноведению представлена в тексте доклада формульно, общими местами, и совершенно не наполнена каким-либо содержанием. Очевидно, что докладчик не мог не сказать о задачах, поставленных функционерами советской

9 Гальский А. Неустанно изучать пушкинское наследие // Красная газета. 1937. № 33. 10 февраля. С. 2.

10 Текст доклада публикуется в Приложении к статье.

11 Ср.: «Чуткий научный работник понимает, что вне марксистско-ленинского мировоззрения и метода нет глубоких научных движений» (Пиксанов Н. Из размышлений беспартийного // За социалистическую науку. 1933. № 14 (29). 20 сентября).

власти¹². Напротив, обсуждение вопроса о классовости Пушкина обнаруживает глубокую вовлеченность Пиксанова: в первостепенные задачи пушкиноведения им записаны пересмотр отношения Пушкина к буржуазной культуре и апология эволюции сознания поэта по линии от дворянства к крестьянству.

Изучение темы «Пушкин и мировая литература», разумеется, должно быть продолжено в контексте программных замечаний И.В. Сталина, А.А. Жданова и С.М. Кирова¹³, в особенности применительно к культурам народов Советского Союза. Отдельное внимание Пиксанов уделяет задачам изучения западных влияний на творчество Пушкина — кажется, именно такая работа способна дать убедительные доказательства его мирового значения. Все это «еще раз подтвердит и докажет, что творчество Пушкина глубоко народно и интернационально, что Пушкин дорог всем народам Советского Союза».

Второй раздел доклада отличается большей конкретикой, а пропартийная риторика проскальзывает лишь эпизодически в виде хлестких замечаний — как в адрес дореволюционного, «дворянско-буржуазного» пушкиноведения, «неправильного» априори, так и в адрес допустившего «ошибки» нового поколения литературоведов. Крупные архивные находки, неоспоримые достижения в области текстологии, значительно продвинувшиеся историко-биографические исследования представлены в докладе Пиксанова на фоне критических замечаний о рецидивах компилятивного метода в текстологии, о доведенном до гипертрофии комментировании текстов (которое являлось также сюжетом карикатур того времени (*ил.*)) и проч.¹⁴ Нейтрально высказывается докладчик об исследованиях в области языка и поэтики произведений Пушкина.

Третий раздел выступления посвящен вспомогательным изданиям в пушкиноведении — библиографическим работам, научному описанию рукописей, начатому фототипическому изданию и т.д. «Советское литературоведение сумело окружить изучение Пушкина целой системой подсобных работ, облег-

-
- 12 О сути пропартийной риторики в пушкиноведении того времени лаконично писал В.Д. Рак: «Особенно не любили академическое пушкиноведение... Коммунистическая партия и советская власть, приложившие немалые старания к тому, чтобы сначала его нейтрализовать, а затем свести к минимуму, заменив научную объективность принципом партийности, т.е. угодливым талдычаньем и хитроумной, находчивой “разработкой” спускаемых сверху идеологических “установок”» [Рак 2003: 7]. Здесь и далее выступление Пиксанова обнаруживает полную лояльность установкам власти.
- 13 Речь идет о «Замечаниях» по поводу конспектов учебников по истории СССР и новой истории, опубликованных 27 января 1936 года в газете «Правда» (*Сталин И., Жданов А., Киров С.* Замечания по поводу конспекта учебника по «Истории СССР» // Правда. 1936. № 26. 27 января. С. 2; *Сталин И., Киров С., Жданов А.* Замечания о конспекте учебника «Новой истории» // Правда. 1936. № 26. 27 января. С. 2).
- 14 Проблема содержания и объема научного комментария к пушкинским текстам должно быть посвящено отдельное исследование, учитывающее обширную дискуссию в печати (см., например: *Лазаревский М.* Многословные комментарии // Вечерняя Москва. 1936. № 101. 4 мая. С. 3; *Бубнов А.* К пушкинским дням // Правда. 1936. № 346. 17 декабря. С. 2). В качестве примеров «гипертрофированного комментирования» Пиксанов приводит издания дневника (*Дневник Пушкина. 1833—1835 / Под ред. и с объяснит. примеч. Б.Л. Модзалевского. М.; Пг.: ГИЗ, 1923*) и писем (*Пушкин А.С. Письма. 1815—1825 / Под ред. и с примеч. Б.Л. Модзалевского. М.; Л.: ГИЗ, 1926. Т. 1; Пушкин А.С. Письма. 1826—1830 / Под ред. и с примеч. Б.Л. Модзалевского. М.; Л.: ГИЗ, 1928. Т. 2.; Пушкин А.С. Письма. 1831—1833 / Под ред. и с примеч. Л.Б. Модзалевского. М.; Л.: Academia, 1935. Т. 3*) Пушкина, подготовленные на высоком научном уровне. Здесь риторика Пиксанова сливается с публичными обвинениями пушкинистов в прессе.

Ил. Б. Малаховский. Комментарии излишни. Карикатура // Литературный Ленинград. 1936. № 53. 17 ноября. Газетная вырезка из рабочих материалов Н.К. Пиксанова (за возможность ознакомиться с ними благодарю С.А. Ипатову)
© В.Д. Малаховский

чающих дальнейшие исследования», — абсолютно положительно (кажется, впервые) заключает Пиксанов.

Завершает доклад раздел, в котором содержатся задачи пушкиноведения на ближайшее время — их список предваряется замечанием о невозможности замалчивать «вопиющие пробелы и срывы», среди которых отсутствие большой научной биографии и незавершенность академического издания¹⁵. Некоторые из задач вполне закономерны и логичны — например, завершить академическое издание, продолжить подготовку фототипических изданий, издать большую научную биографию, летопись жизни и творчества и т.д. Постановка других задач несколько удивляет: так, например, Пиксанов предлагает издавать транскрипции рукописных фондов (что, впрочем, вполне в духе его текстологического подхода), а также готовить «Пушкинскую энциклопедию»¹⁶.

15 Обсуждение «пробного» тома, вышедшего в июне 1935 года (*Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 7: Драматические произведения / Ред. Д.П. Якубович. [Л.]: Изд-во АН СССР, [1935]*), а также задержка выхода обещанных к «юбилею» других томов академического издания спровоцировали жесткую критику в адрес пушкиноведов, отразившуюся в том числе и в печати (см., например, заметки «Что задерживает выпуск академического Пушкина?» (*Литературная газета. 1936. № 56*), «Без перемен» (*Литературный Ленинград. 1936. № 45*) и др.). Подробнее о подготовке академического издания в 1930-е годы см.: [Бонди 1963; Домгерр 1987].

16 Бурная дискуссия о «Пушкинской энциклопедии» между пушкиноведами Москвы и Ленинграда в 1933 году заставила исследователей отказаться от реализации этого проекта; позднее пушкинисты вернулись к идее более простого справочного издания [Турчаненко 2021].

Наконец, самое удивительное в найденном документе, — красная чернильная помета на первой странице машинописи, сделанная рукой секретаря Пушкинской комиссии Якубовича: «Рассмотрено и обсуждено на Пушк[инской] Комиссии АН [как] доклад на конференции 1937 г.» Значит ли это, что доклад Пиксанова на конференции был одобрен теми, против кого была направлена его риторика?

Предлагаемые интерпретации публичного выступления находятся в проблемном поле (само)критики. Так, вполне вероятно, что Пиксанов, стремившийся занять лидирующую позицию в советской пушкинистике, а после неудачи последовательно саботировавший проекты Пушкинской комиссии, решает примкнуть к критикующим академическое пушкиноведение. Формат (доклад на научной конференции) оказывается не самым подходящим для трансляции резких оценочных суждений, а потому исследователь ограничивается отдельными хлесткими замечаниями. Выступая в роли критика, Пиксанов наверняка рассчитывал на определенные бонусы: намечавшийся передел институциональной власти в литературоведении давал шанс на реализацию его давней мечты — единолично «редактировать Пушкина»¹⁷.

С другой стороны (в пользу такого толкования говорит чернильная помета на машинописи), доклад мог быть спланированной акцией так называемой «товарищеской критики» со стороны Пиксанова: согласованные с пушкинистами тезисы — будь они опубликованы — могли стать «охранной грамотой», добровольным актом самокритики академического пушкиноведения в контексте непрекращающихся нападок прогрессивной общественности, подстегиваемой властью¹⁸.

Осознавал ли Пиксанов, что отдельные критические положения его выступления направлены против него же самого как представителя и дореволюционного, и советского пушкиноведения — и, следовательно, можно ли усмотреть в его докладе скрытую самокритику? Кажется, что все-таки нет: выступая вразрез с Пушкинской комиссией на протяжении нескольких лет, Пиксанов противопоставил себя коллективу пушкинистов — и тем самым оказался от пушкиноведения намного дальше, чем сам того желал. Эта дистанция делала почти невозможным прямое соотнесение критикующего с объектом его критики (хотя отсутствие в выступлении явного противопоставления «я vs. они» не позволяет полностью исключить попытку Пиксанова отождествить себя с теми, против кого он неоднократно выступал).

Если из двух предложенных интерпретаций представленного публичного высказывания выбирать первую — более вероятную, то приходится констатировать очередную неудачу Пиксанова: исследователю так и не удалось усилить

17 См., например, выступление Пиксанова на открытом заседании Пушкинской комиссии 3 февраля 1933 года: «Я был бы благодарен, если бы на меня была возложена редакция Пушкина. Знаю, что это колоссальная нагрузка и выполнение этого дела возможно лишь в атмосфере общественного доверия» (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 150. Оп. 1 (1931). Ед. хр. 16. Л. 103).

18 Критика работы пушкинистов, постепенно набиравшая обороты после выхода «пробного» тома академического собрания сочинений (см. сноски 14 и 15), обострилась после ареста 6 ноября 1936 года одного из ключевых участников издания — Ю.Г. Оксмана. Как полагает С.А. Фомичев, «директивной подосновой» ряда резких публикаций в периодической печати стал декабрьский доклад заместителя председателя Всесоюзного пушкинского комитета А.С. Бубнова [Фомичев 1993: 5].

свои позиции в пушкиноведении — ему не нашлось места ни в новой редакции академического Полного собрания сочинений Пушкина, ни в других пушкинских проектах Института литературы. Впрочем, не исключено, что долгая институциональная «война» вынудила Пиксанова отказаться от претензий на пушкиноведение.

Публикуемый текст, несомненно, является яркой иллюстрацией публичного поведения в сложных условиях того пространства, в котором он разворачивается. Абсолютные достижения советского пушкиноведения (и, в частности, Пушкинской комиссии Академии наук) преподносятся общественности в контексте жесткой критики, которая одновременно задевает и самого критикующего. Что это — недальновидное продолжение войны Пиксанова с пушкинистами или же, напротив, стратегическое выступление, целью которого было защитить коллег на фоне обострившихся политических событий?..¹⁹ Остается надеяться, что дальнейшее изучение архивных материалов позволит приблизиться к пониманию тактики поведения отдельных исследователей, определявшей характер и направления пушкиноведческой работы в те годы.

Приложение

Текст доклада публикуется по машинописной копии, сохранившейся в материалах Пушкинской комиссии Академии наук²⁰, с сохранением смысловых выделений (разрядки). На л. 1 в левом верхнем углу содержится запись, сделанная Д.П. Якубовичем: «Рассмотрено и обсуждено на Пушк[инской] Комиссии АН [как] доклад на конференции 1937 г.» Публикуемый текст приведен в соответствие нормам орфографии и пунктуации. Библиографические сноски не приводятся, однако при необходимости легко восстанавливаются по: [Библиография 1952; 1973].

ИТОГИ СОВЕТСКОГО ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

1917—1937 гг.

ТЕЗИСЫ

I

1. Великий Октябрьский переворот 1917 года положил резкую грань между литературоведением дореволюционным и советским.

19 «Примечательно, — отмечает Маркус Левитт, — что Пушкинский год совпал с пиком показательных судебных процессов и репрессий» [Левитт 1994: 184]. Политический процесс коснулся и Института литературы, в который в апреле 1937 года была направлена московская следственная комиссия под председательством П.И. Лебедева-Полянского — одного из виднейших деятелей политико-идеологической цензуры. Основная масса обвинений, предъявленных сотрудникам института, касалась якобы низкого уровня научно-исследовательской деятельности, а также внутреннего организационного беспорядка. В СПбФ АРАН сохранились стенограммы совещаний актива Института литературы с следственной комиссией; они фиксируют лишь эпизодический интерес «обследователей» к проектам, связанным с именем Пушкина.

20 Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 150. Оп. 1 (1936). Ед. хр. 27. Л. 1—9.

Растущее овладение марксистско-ленинским методом, ломка старой учебной цеховщины и вступление в состав исследователей новых демократических кадров — вот крупнейшие особенности в развитии советского литературоведения.

Революция мысли, сопровождающая социальную революцию, проявилась и в пушкиноведении как в его методологии, так и в технологии и в подсобных дисциплинах.

2. Однако это произошло не сразу. На развитии пушкиноведения за истекающее двадцатилетие отразились все болезни литературной науки: академический эмпиризм («фактография»), культурно-исторический метод, формализм, переверзианство, вульгарный социологизм и т.д.

Культивируя привычные издавна изучения узкобиографические, текстологические, археографические, библиографические, пушкиноведение нередко отставало от общего движения литературоведческой проблематики. В результате многие крупные проблемы литературной методологии долго разрабатывались на материалах не Пушкина, а других писателей — классических (Гоголь, Толстой, Салтыков) или современных.

В последнее время, изживая методологические пороки и уклоны, пушкиноведение переходит к более глубокому освоению марксистско-ленинского метода — на разработке конкретных пушкинских материалов.

В это движение вовлечены и пушкиноведы старших призывов, перестраивающие свою методологию. За последние годы в ряды пушкинистов вступают молодые кадры, прошедшие в советское время правильную общую методологическую школу в вузах и в литературоведческих учреждениях.

3. Всем развитием советской литературной науки выдвинуто несколько крупнейших пушкиноведческих проблем: проблемы реализма и народности, обе тесно связанные с осмыслением Пушкина как создателя русского литературного языка и родоначальника новой русской литературы, проблема взаимоотношений Пушкина и мировой литературы и проблема соотношений Пушкина с советской современностью и с культурой народов СССР. Сюда следует включить и проблему пушкинского гуманизма.

4. Обострившаяся в эпоху Первого Всесоюзного съезда советских писателей (1934) проблема р е а л и з м а отозвалась и в пушкиноведении. Обсуждались вопросы о соотношении реализма Пушкина с элементами классицизма в его творчестве, о проявлении реализма в его романтических поэмах. Возник вопрос об «ироническом методе» или «ироническом стиле» как предшествующем этапе на пути Пушкина к реализму. Немало удачных наблюдений сделано над реалистическими элементами в художественном языке Пушкина. Однако многое не изучено и даже не затронуто, например психологический реализм в лирике. Систематическое научное обследование пушкинского реализма является ближайшей очередной задачей, тесно связанной с изучением реализма у младших современников Пушкина — Гоголя и Лермонтова.

5. Поставленная руководящими органами советской общественности проблема н а р о д н о с т и заставляет пушкиноведение коренным образом пересмотреть прежние историко-литературные определения Пушкина.

На только что пройденном этапе советского литературоведения проблема народности отсутствовала в историко-литературных построениях и анализах — частью в силу отталкивания от старых идеалистических и реакционных определений народности, частью в силу вульгарного социологизма с его стрем-

лением закреплять писателя за той или иной узкой социальной или сословной группой. Отталкиваясь от вульгарного социологизма и от либерально-идеалистического истолкования Пушкина, исходя из марксистско-ленинского понимания народности, пушкиноведы должны создать ряд исследований народности в языке и стиле Пушкина, в его восприятиях фольклора, в соотношениях народности и реализма.

6. Изживание болезней вульгарного социологизма не снимает вопроса о классовости Пушкина, его мировоззрения, его творчества. По-прежнему в силе остается формула этой классовости, предложенная еще Белинским, нашедшая свое подтверждение в установках Ц[ентрального] о[ргана] «Правда» и в новейших пушкиноведческих работах. Но стало очевидно, что Пушкин перерос свой класс, стоял выше его, что, по определению М. Горького, «его личный опыт был шире и глубже опыта дворянского класса»²¹.

В свете таких установок подлежит критике популярное в современных учебниках утверждение о принадлежности Пушкина к буржуазизирующемуся дворянству. На очереди — новый пересмотр вопроса об отношении Пушкина к буржуазной культуре. Выдвигается тезис об эволюции идеологии и творчества Пушкина по линии от дворянства к крестьянству.

7. Соотношения Пушкина с м и р о в о й л и т е р а т у р о й устанавливались в длинном ряде традиционных изучений так называемых влияний, заимствований и подражаний — не без уклона в буквализм и формализм. Особенным вниманием пользовались Вальтер Скотт и Б. Констан. В связи с обострившейся проблемой «шекспиризации» литературы вновь пересматривался вопрос о шекспиризме Пушкина. В последнее время в связи с историческими замечаниями товарищей Сталина, Кирова и Жданова тема «Пушкин и мировая литература» ставится глубже, в широких перспективах классовой борьбы в мировой культуре пушкинского времени.

Расширяется круг изучений западных воздействий на Пушкина. Уже обострился вопрос о руссоизме в творчестве Пушкина. На очереди — пересмотр вопроса о влиянии Вольтера и французского материализма XVIII века, о философских элементах близкого Пушкину французского либерализма [18]20-х годов.

В недавней дискуссии был заострен вопрос: является ли Пушкин поэтом мировым или «узко национальным поэтом, классиком только для своих соотечественников»? Начавшиеся исследования роли Пушкина в западных литературах дают убедительные аргументы в пользу первого решения вопроса.

8. Поставленная замечаниями товарищей Сталина, Кирова и Жданова задача изучения истории России в тесной связи с историей народов СССР в применении к литературоведению и, в частности, к пушкиноведению, осуществлялась только эпизодически. Но уже имеется удачный опыт изучения соотношений Пушкина и фольклора народов СССР. Развернувшееся на наших глазах, изумительное по своему размаху, освоение Пушкина культурами народов СССР воодушевит дальнейшие исследования и доставит им богатейший материал. Оно

21 См. полную цитату из черновой рукописи лекций по истории русской литературы Горького: «От кого бы я ни происходил, — говорит Пушкин, — образ мыслей моих от этого никак бы не зависел». Это слова человека, который чувствовал, что для него интересы всей нации выше интересов одного дворянства, а говорил он так потому, что его личный опыт был шире и глубже опыта дворянского класса» [Горький 1937: 268]. — *Примеч. В.Т.*

еще раз подтвердит и докажет, что творчество Пушкина глубоко народно и интернационально, что Пушкин дорог всем народам Советского Союза.

II

9. На развитии к о н к р е т н о г о пушкиноведения благоприятно отразилось раскрытие в революционные годы многих архивов — государственных и частных. Это вызвало к р у п н ы е н а х о д к и художественных текстов, переписки, биографических документов, исторических документов пушкинской эпохи и т.д.

10. За советское время сильно обогатилось обследование и издание пушкинских т е к с т о в, как в собраниях сочинений — до нового академического включительно, — так и в отдельных публикациях.

В связи с этим уточнилась и углубилась пушкинская т е к с т о л о г и я — как в своих технических приемах, так и в методологических принципах. Попутно разоблачились недостатки и тенденциозность в текстологических работах дворянско-буржуазного пушкиноведения.

Однако разноречивой, наблюдаемой в разных советских изданиях, рецидивы компилятивного метода свидетельствуют, что текстология Пушкина еще не установилась и требует переработок. На очереди — обобщающий трактат по текстологии и эдиции Пушкина.

11. Чрезвычайно расширилось к о м м е н т р о в а н и е пушкинских текстов, в некоторых изданиях доведенное до гипертрофии (например, в двух изданиях дневника, в трех томах писем), с уклоном в узкий биографизм, генеалогию и т.д.

В настоящее время в связи с постановлениями о типе академических изданий эти эксцессы прекращаются, и комментирование делает поворот к строгому отбору материалов и к его широкому историко-литературному и социологическому осмыслению.

12. Большую заслугу советского пушкиноведения составляет широкое развитие многотиражных п о п у л я р н ы х и ш к о л ь н ы х и з д а н и й Пушкина. Здесь выделяется однотомник 1936 года.

Обнаруживается, однако, отсутствие некоторых необходимых типов изданий, например многотомного комментированного издания для семьи и школы, сборника художественных произведений и др.

13. Был создан длинный ряд работ по б и о г р а ф и я м. Здесь излюбленной оказалась тема дуэли и смерти Пушкина, все отчетливее осмысливается общественно-историческое значение гибели Пушкина.

Особую биографическую группу составили публикации по хозяйственному и вообще материальному положению Пушкина.

Принципиально-методологическое значение получил вопрос о Пушкине как писателе-профессионале.

14. В круге явлений широкого историко-биографического значения с наибольшим вниманием изучались с о о т н о ш е н и я П у ш к и н а с д е к а б р и з м о м. Огромные документальные материалы, опубликованные в связи со столетием декабрьского восстания, а также новое марксистско-ленинское переосмысление этого движения, как и близость к нему самого Пушкина, создали необходимость пересмотра традиционных установок либерально-буржуазного пушкиноведения. Имеются существенные отдельные достижения (например, выдвижение кишиневского периода — с теснейшим общением

молодого Пушкина с южными декабристами). Однако монография на тему «Пушкин и декабристы» остается делом будущего.

15. В биографическом круге создано несколько полезных работ на тему «Пушкин и краеведение» — по Крыму, по Псковскому краю, по Болдину и др. Они помогают раскрыть не только внешне-биографические эпизоды, но и существенные моменты в художественном творчестве, развитии социальных идей Пушкина, сближая их с воздействиями реальной жизни.

16. В круге литературной специфики следует отметить продвижение вперед изучения языка Пушкина. Однако работы еще не закончены и при обнаружившихся недостатках оставляют нерешенными многие вопросы в области художественного языка и стилистики Пушкина.

17. П о э т и к а Пушкина изучалась в советское время только эпизодически, притом в первое время — в формалистическом уклоне. Наибольшее внимание привлекала стихология Пушкина. Остаются не только не изученными, но и едва затронутыми многие явления пушкинской поэтики, например поэтическая морфология, стилистика прозы, композиция крупных произведений и т.д.

Изучалась т в о р ч е с к а я и с т о р и я некоторых произведений, например «Медного всадника», «Египетских ночей». Но остается необобщенной творческая история «Онегина», «Бориса Годунова», «Капитанской дочки» — при наличии многих полезных эпизодических исследований.

Система и развитие творческих методов Пушкина («лаборатория писателя») ждут обобщающей монографии.

III

18. В круге вспомогательных дисциплин за советское время много сделано по б и б л и о г р а ф и и Пушкина. Четыре «пушкинианы» (за 1887—1899, за 1900—1910, за 1911—1917 и за 1918—1935) вместе со старой межовской «Пушкинианой» за 1813—1886 и книгой М.А. Цявловского «Пушкин в печати 1814—1837» теперь замыкают круг сплошного библиографирования Пушкина. Но на очереди — библиография систематическая, предметно-тематическая.

Начато ф о т о т и п и ч е с к о е и з д а н и е рукописей Пушкина, организованное н а у ч н о е о п и с а н и е пушкинских автографов, созданы сборник воспоминаний, сборник печатных отзывов современников о Пушкине и ряд других сборников документов и материалов.

Круг вспомогательных изданий не замкнут, но уже можно сказать, что советское литературоведение сумело окружить изучение Пушкина целой системой подсобных работ, облегчающих дальнейшие исследования.

IV

19. За двадцать лет напряженной работы советское пушкиноведение создало ряд ценных трудов и выдвинуло много даровитых и осведомленных исследователей. Текстология, эдичия, биография, поэтика, археография, библиография, популяризация и другие отрасли пушкиноведения чрезвычайно обогатились за советское время. Из архаизированной и академизированной дисциплины пушкиноведение стремится стать ведущей дисциплиной советского литературоведения. Это обусловливается как самим предметом изучения — величайшим национальным поэтом Пушкиным, так и возрастающим освоением марксистско-ленинского метода.

Тем не менее нельзя замалчивать и вопиющих пробелов и срывов. Достаточно указать на отсутствие большой научной биографии Пушкина, на незавершенность академического издания его сочинений.

20. Подводя итоги сделанному и учитывая очередные проблемы и нужды пушкиноведения, приходим к такому перечню ближайших задач:

I. В области издания текстов:

- завершить академическое издание,
- развернуть фототипические издания,
- издавать транскрипции рукописных фондов,
- создать многотомное комментированное издание для семьи и школы,
- издать сборник жемчужин пушкинского творчества;

II. В области исследований:

- издать большую научную биографию,
- создать монографии по крупнейшим произведениям,
- составить словарь пушкинского языка,
- разработать проблемы народности и реализма у Пушкина,
- раскрыть международные связи творчества Пушкина,
- разработать всесторонне тему «Пушкин и культура народов СССР»,
- создать обобщающий труд на тему «Пушкин и фольклор»;

III. В области вспомогательных дисциплин:

- переработать «Пушкиниану» Межова,
- издать Летопись жизни и творчества Пушкина,
- издать Пушкинскую энциклопедию,
- издать обобщающую работу по текстологии Пушкина,
- издать работу по палеографии Пушкина.

Библиография / References

- [Азадовский 1937] — *Азадовский М.К.* Пушкин и фольклор // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Т. 3 / Ред. В.Д. Бонч-Бруевич и др. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 152—182.
- (*Azadovskiy M.K.* Pushkin i fol'klor // Pushkin: Vremennik Pushkinskoy komissii. Vol. 3 / Ed. by V.D. Bonch-Bruevich et al. Moscow; Leningrad, 1937. P. 152—182.)
- [Александров 1937] — *Александров А.* Подготовка и проведение пушкинского юбилея в СССР // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Т. 3 / Ред. В.Д. Бонч-Бруевич и др. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 492—517.
- (*Aleksandrov A.* Podgotovka i provedenie pushkinskogo yubileya v SSSR // Pushkin: Vremennik Pushkinskoy komissii. Vol. 3 / Ed. by V.D. Bonch-Bruevich et al. Moscow; Leningrad, 1937. P. 492—517.)
- [Библиография 1952] — *Добровольский Л.М., Мордовченко Н.И.* Библиография произведений А.С. Пушкина и литературы о нем: 1918—1936. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
- (*Dobrovol'skiy L.M., Mordovchenko N.I.* Bibliografiya proizvedeniy A.S. Pushkina i literatury o nem: 1918—1936. Pt. 1. Moscow; Leningrad, 1952.)
- [Библиография 1973] — Библиография произведений А.С. Пушкина и литературы о нем: 1918—1936. Ч. 2 / Сост. Л.М. Добровольский, Н.И. Мордовченко, Р.В. Иезуитова, Я.Л. Левкович, В.Б. Сандомирская; под ред. Я.Л. Левкович. Л.: Наука, 1973.
- (*Bibliografiya proizvedeniy A.S. Pushkina i literatury o nem: 1918—1936. Pt. 2 / Comp. by L.M. Dobrovol'skiy, N.I. Mordovchenko, R.V. Iezuitova, Ya.L. Levkovich, V.B. Sandomirskaya; ed. by Ya.L. Levkovich. Leningrad, 1973.*)

- [Бонди 1963] — *Бонди С.* Об академическом издании сочинений Пушкина // Вопросы литературы. 1963. № 2. С. 123—134.
(*Bondi S.* Ob akademicheskom izdanii sochineniy Pushkina // Voprosy literatury. 1963. № 2. P. 123—134.)
- [Горький 1937] — *Горький М.* [О Пушкине] / Предисл. и примеч. С.Д. Балухатого // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Т. 3 / Ред. В.Д. Бонч-Бруевич и др. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 255—282.
(*Gorkiy M.* [O Pushkine] / Forew. and notes by S.D. Balukhatyy // Pushkin: Vremennik Pushkinskoy komissii. Vol. 3 / Ed. by V.D. Bonch-Bruevich et al. Moscow; Leningrad, 1937. P. 255—282.)
- [Домгерр 1987] — *Домгерр Л.Л.* Из истории советского академического издания полного собрания сочинений Пушкина 1937—1949 гг.: (Материалы и комментарии) // Записки русской академической группы в США. Т. 20 / Ред. Н.А. Жернакова. N.Y.: Association of Russian-American Scholars, 1987. С. 295—348.
(*Domgerr L.L.* Iz istorii sovetskogo akademicheskogo izdaniya polnogo sobraniya sochineniy Pushkina 1937—1949 gg.: (Materialy i komentarii) // Zapiski russoy akademicheskoy gruppy v SShA. Vol. 20 / Ed. by N.A. Zhernakova. N.Y.: Association of Russian-American Scholars, 1987. P. 295—348.)
- [Жирмунский 1937] — *Жирмунский В.М.* Пушкин и западные литературы // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Т. 3 / Ред. В.Д. Бонч-Бруевич и др. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 66—103.
(*Zhirmunskiy V.M.* Pushkin i zapadnye literatury // Pushkin: Vremennik Pushkinskoy komissii. Vol. 3 / Ed. by V.D. Bonch-Bruevich et al. Moscow; Leningrad, 1937. P. 66—103.)
- [Левитт 1994] — *Левитт М.Ч.* Сталинская советизация Пушкина // Левитт М.Ч. Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года / Пер. с англ. И.Н. Владимирова, В.Д. Рака; науч. ред. В.Д. Рак. СПб.: Академический проект, 1994. С. 181—185.
(*Levitt M.Ch.* Stalinskaya sovetizatsiya Pushkina // Levitt M.Ch. Literatura i politika: Pushkinskiy prazdnik 1880 goda / Sci. ed. by V.D. Rak. Saint Petersburg, 1994. P. 181—185.)
- [Мануйлов, Модзалевский 1934] — *Мануйлов В., Модзалевский Л.* Хроника пушкиноведения за 1933 год // Пушкин. 1834 год / Отв. ред. Инн. Оксенов. Л.: Пушкинское общество, 1934. С. 152—168.
(*Manuylov V., Modzalevskiy L.* Khronika pushkinovedeniya za 1933 god // Pushkin. 1834 god / Ed. by Inn. Oksenov. Leningrad, 1934. P. 152—168.)
- [Молок 2000] — *Молок Ю.А.* Пушкин в 1937 году: Материалы и исследования по иконографии. М.: Новое литературное обозрение, 2000.
(*Molok Yu.A.* Pushkin v 1937 godu: Materialy i issledovaniya po ikonografii. Moscow, 2000.)
- [Научные сотрудники 2005] — Научные сотрудники Пушкинского Дома. 1905—2005: Материалы к справочнику // Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005 / Гл. ред. Н.Н. Скатов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 387—552.
(*Nauchnye sotrudniki Pushkinskogo Doma.* 1905—2005: Materialy k spravochniku // Pushkinskiy Dom: Materialy k istorii / Ed. by N.N. Skatov. 1905—2005. Saint Petersburg, 2005. P. 387—552.)
- [Орлов 1937] — *Орлов А.С.* Пушкин — создатель русского литературного языка // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Т. 3 / Ред. В.Д. Бонч-Бруевич и др. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 23—42.
(*Orlov A.S.* Pushkin — sozdatel' russkogo literaturnogo yazyka // Pushkin: Vremennik Pushkinskoy komissii. Vol. 3 / Ed. by V.D. Bonch-Bruevich et al. Moscow; Leningrad, 1937. P. 23—42.)
- [Панченко 1982] — *Панченко М.А.* Из записных книжек 1930-х годов / Публ. Н.Т. Панченко, А.М. Панченко // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография / Отв. ред. В.Н. Баскаков. Л.: Наука, 1982. С. 240—251.
(*Panchenko M.A.* Iz zapisnykh knizhek 1930-kh godov / Publ. by N.T. Panchenko, A.M. Panchenko // Pushkinskiy Dom: Stat'i. Dokumenty. Bibliografiya / Ed. by V.N. Baskakov. Leningrad, 1982. P. 240—251.)
- [Пиксанов 1921] — *Пиксанов Н.К.* Пушкинская студия: Пособие для высшей школы и самообразования. Саратов: ГИЗ, 1921.
(*Piksanov N.K.* Pushkinskaya studiya: Posobie dlya vysshey shkoly i samoobrazovaniya. Saratov, 1921.)
- [Пиксанов 1922] — *Пиксанов Н.К.* Пушкинская студия. Пг.: Атеней, 1922.
(*Piksanov N.K.* Pushkinskaya studiya. Petrograd, 1922.)
- [Пиксанов 1929] — *Пиксанов Н.К.* Из анализов «Онегина». Образ Татьяны // А.С. Пушкин: Сб. ст. / Под ред. Н.Ф. Никитиной. М.: Никитинские субботники, 1929. С. 173—216.
(*Piksanov N.K.* Iz analizov "Onegina". Obraz Tat'yany // A.S. Pushkin: Coll. of art. / Ed. by N.F. Nikitina. Moscow, 1929. P. 173—216.)
- [Пиксанов 1930] — *Пиксанов Н.К.* Из анализов «Онегина». Образ Евгения // Пушкин и его современники. Вып. 38—39 /

- Ред. П.Н. Сакулин. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. С. 151—161.
- (*Piksanov N.K. Iz analizov "Onegina". Obraz Evgeniya // Pushkin i ego sovremenniki. Iss. 38—39 / Ed. by P.N. Sakulin. Leningrad, 1930. P. 151—161.*)
- [Платт 2017] — *Платт Д.Б.* Здравствуй, Пушкин!: Сталинская культурная политика и русский национальный поэт. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017.
- (*Platt D.B. Zdravstvuy, Pushkin!: Stalinskaya kul'turnaya politika i russkiy natsional'nyy poet. Saint Petersburg, 2017.*)
- [Пушкин 1924] — Пушкин: Сборник первый / Ред. Н.К. Пиксанов. М.: ГИЗ, 1924.
- (*Pushkin: Sbornik pervyy / Ed. by N.K. Piksanov. Moscow, 1924.*)
- [Пушкин 1930] — Пушкин: Сборник второй / Ред. Н.К. Пиксанов. М.; Л.: ГИЗ, 1930.
- (*Pushkin: Sbornik vtoroy / Ed. by N.K. Piksanov. Moscow; Leningrad, 1930.*)
- [Пушкин 1936] — А.С. Пушкин. 1837—1937: Цикл лекционных вечеров. Л.: Лекторий, 1936.
- (*A.S. Pushkin. 1837—1937: Tsikl leksionnykh vecherov. Leningrad, 1936.*)
- [Рак 2003] — *Рак В.Д.* О кризисе академического пушкиноведения и подметках великих пушкинистов // Рак В.Д. Пушкин, Достоевский и другие (Вопросы текстологии, материалы к комментариям): Сб. статей. СПб.: Академический проект, 2003. С. 3—21.
- (*Rak V.D. O krizise akademicheskogo pushkinovedeniya i podmetkakh velikikh pushkinistov // Rak V.D. Pushkin, Dostoevskiy i drugie (Voprosy tekstologii, materialy k kommentariyam): Coll. of art. Saint Petersburg, 2003. P. 3—21.*)
- [Турчаненко 2020а] — *Турчаненко В.В.* Научные заседания, организационные собрания и совещания Пушкинской комиссии Академии наук СССР в Ленинграде в 1931—1936 гг.: (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 34 / Отв. ред. А.Ю. Балакин. СПб.: Росток, 2020. С. 144—180.
- (*Turchanenko V.V. Nauchnye zasedaniya, organizatsionnye sobraniya i soveshchaniya Pushkinskoy komissii Akademii nauk SSSR v Leningrade v 1931—1936 gg.: (po materialam Sankt-Peterburgskogo filiala Arkhiva RAN) // Vremennik Pushkinskoy komissii. Iss. 34 / Ed. by A.Yu. Balakin. Saint Petersburg, 2020. P. 144—180.*)
- [Турчаненко 2020б] — *Турчаненко В.В.* Пушкинская комиссия vs профессор Пиксанов: Из истории академического пушкиноведения // *Studia Slavica*. [Вып.] 18 / Ред. В.Е. Багно и др. Таллин, 2020. С. 64—74.
- (*Turchanenko V.V. Pushkinskaya komissiya vs professor Piksanov: Iz istorii akademicheskogo pushkinovedeniya // Studia Slavica. [Iss.] 18 / Ed. by V.E. Bagno et al. Tallin, 2020. P. 64—74.*)
- [Турчаненко 2021] — *Турчаненко В.В.* Дискуссия о «Пушкинской энциклопедии» в 1930-е годы // Летняя школа по русской литературе. 2021. № 2. С. 189—209.
- (*Turchanenko V.V. Diskussiya o "Pushkinskoy entsiklopedii" v 1930-e gody // Letnyaya shkola po russkoy literature. 2021. № 2. P. 189—209.*)
- [Фомичев 1993] — *Фомичев С.А.* «Звезда пленительного счастья...» // Русская речь. 1993. № 2. С. 3—7.
- (*Fomichev S.A. "Zvezda plenitel'nogo schast'ya..." // Russkaya rech'. 1993. № 2. P. 3—7.*)
- [Цявловский, Цявловская 2000] — *Цявловский М., Цявловская Т.* Вокруг Пушкина / Изд. подгот. К.П. Богаевская, С.И. Панов. М.: Новое литературное обозрение, 2000.
- (*Tsyavlovskiy M., Tsyavlovskaya T. Vokrug Pushkina / Prep. by K.P. Bogaevskaya, S.I. Panov. Moscow, 2000.*)
- [Petrone 2000] — *Petrone K.* A Double-Edged Discourse on Freedom: The Pushkin Centennial of 1937 // *Petrone K. Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington: Indiana University Press, 2000. P. 113—148.*